

А.Н. Покровский

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос. н., доц. каф. философии

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОСТОЯНИИ ИНЖИНИРИНГОВОГО И КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩЕГО ПОДХОДОВ В РАЗВИТИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Во второй половине XX столетия в развитии социогуманитарного знания прослеживается тенденция отказа от генерализующего подхода к анализу социокультурной реальности в угоду частному инструменталистскому применению социоинженеринговых разработок. Анализу предпосылок и последствий этого процесса посвящена данная работа.

Ключевые слова: социокультурная система, социокультурная реальность, социогуманитарное знание, социокультурная антропология, социальный инженеринг, концептуализация.

© Покровский А.Н., 2017

А. М. Покровський

ДО ПИТАННЯ ПРО ПРОТИСТОЯННЯ ІНЖИНІРИНГОВОГО Й КОНЦЕПТУАЛІЗУЮЧОГО ПІДХОДІВ У РОЗВИТКУ СОЦІОГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ

У другій половині ХХ сторіччя в розвитку соціогуманітарного знання простежується тенденція відмови від генералізуючого підходу до аналізу соціокультурної реальності на догоду частному інструменталістському застосуванню соціоінженірингових розробок. Аналізу передумов і наслідків цього процесу присвячена дана робота.

Ключові слова: соціокультурна система, соціокультурна реальність, соціогуманітарне знання, соціокультурна антропология, соціальний інжиніринг, концептуалізація.

A.N. Pokrovskiy

ON THE ISSUE OF THE OPPOSITION OF ENGINEERING AND CONCEPTUALIZE APPROACHES IN THE DEVELOPMENT OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

In the second half of the 20th century, in the development of social and humanitarian knowledge, there is a tendency to abandon the generalizing approach to the analysis of socio-cultural reality in favor of the private instrumentalist application of socio-engineering developments. This work is devoted to an analysis of the prerequisites and consequences of this process.

Key words: socio-cultural system, socio-cultural reality, sociohumanitarian knowledge, socio-cultural anthropology, social engineering, conceptualization.

Несмотря на давню историю развития представлений о социокультурной реальности, вплоть до Нового времени в подавляющем большинстве эти представления носили весьма поверхностный характер, что очевидно объясняется как инертностью и низкими темпами исторического процесса в традиционном обществе, так и ограниченностью знаниево-методологической базы. Эти, берущие своё начало в античной мысли, представления могут быть названы *традиционными*, так как опирались в целом на схожие подходы и способы осмысления, определяемые принадлежностью к мировоззренческим системам традиционного общества. В рамках этих традиционных подходов социальная реальность либо вообще не выделялась в качестве специфического объекта осмысления, либо рассматривалась как результат проекции различных трансцендентных сил или процессов на плоскость человеческого бытия во времени. То есть сугубо человеческая история либо вовсе «не существовала» – не в качестве феномена, а в качестве проблемы, будучи имплицитно растворённой в повседневности истории рода, общины, города, государства; либо была лишь частным случаем некоего глобального надысторического процесса (развёртывание творения, божественное вмешательство, самоактуализация абсолютного духа). Важно, что в любом случае подразумевалось обязательное наличие определённой предзаданной идеальной модели общественного устройства.

Эпоха Просвещения совершила принципиальный прорыв, сделав акцент на изменчивости социокультурных систем и возможности управляемого характера этой изменчивости. Начиная с Эпохи Просвещения в западноевропейской обществоведческой мысли формируется, разрабатывается и всё более утверждается *конструктивистский* подход к пониманию проблемы развития социокультурных систем. Подход этот был глубоко укоренён в мировоззренческом базисе Нового времени, будучи воплощённым переносом на общественную проблематику крайних форм доминировавшего рационалистического редукционизма и механицизма. Важной особенностью этого направления обществоведческой мысли была явная её нацеленность именно на активное вмешательство в актуальную социальную действительность, необходимость теоретического обеспечения которой и была

причиною інтереса к собственно социальной проблематике. То есть в эту эпоху побудительные причины интереса к изучению общества как специфической реальности лежали вне самой этой реальности и диктовали скорее инструменталистский подход к проблеме понимания социальной реальности. Желание понять социальную реальность было обусловлено стремлением её изменить.

В определённом смысле традиционный подход к пониманию сущности социальной реальности может быть определён как объективистский, то есть такой, который подразумевает анализ факторов, принципиально независимых от социального субъекта – как индивидуального, так и коллективного. Развитие же просвещенческой мировоззренческой линии носило явно субъективистский характер. Традиционный подход постулировал «объективные» неизбежность и необходимость исторического процесса, в то время как просвещенческий подход базировался на представлении исторического процесса как результата осмысленной активности социальных акторов. То есть развитие общества перестало быть *судьбой* и превратилось в *проект*.

Именно в Просвещении была окончательно разрушена укоренённость представлений о сущности общественного развития в традиционных укладах, когда обществоведческая умозрительная «истина» была необходимо связана с житейским здравым смыслом и «правдой» повседневной практики, что формировало замкнутый круг самодостовой *рефлексии очевидного*. Этот круг оказался окончательно разомкнут именно в идеях Просвещения. *Условно естественное* тождество исторически сложившегося социального консенсуса традиционного общественного уклада и его тавтологических рефлексий в религиозно-мистической или философской формах был разорван внедрением *условно искусственных* идеологических систем, которые порывали с традиционными способами обоснования социальной действительности, но продолжали эксплуатировать традицию как мировоззренческий фундамент. Общественное пространство начало стремительно превращаться в пространство идеологических игр.

Очевидный политико-социальный и, как следствие, мировоззренческий провал проекта Просвещения привёл к мировоззренческим флуктуациям и заставил вернуться к поиску объективных факторов общественного развития, в игнорировании которых многим исследователям виделись причины провала идеологии Просвещения. Этот кризис нашёл своё отражение у множества мыслителей XIX и даже XX веков, но наиболее ярко и лаконично оказался выражен в ницшевской формуле «Бог умер». Человеческое историческое бытие оказалось полностью лишено объективного плана, так же, как бытие природы лишилось своей тайны под пристальным препарирующим взглядом науки.

Иррационализм XIX века был в некоторой степени романтической попыткой осмыслить замедлить сползание Западной цивилизации в пропасть субъективистского волюнтаризма, но сам был идеалистической формой того же мировоззренческого содержания, почему и оказался перед выбором либо полностью встать на волюнтаристические основания и выродиться в разные формы правоконсервативных идеологий, противостоящих столь же искусственным идеологическим конструкциям прогрессизма и либерализма, либо приобрести форму субъективистского эстетически ориентированного *умозрения для «избранных»*, каковым стал, например, «Закат Европы» Шпенглера. Но этот романтический умозрительный пессимизм в целом не смог стать реальной мировоззренческой силой, хотя имеет большое значение в теоретико-познавательном аспекте.

Альтернативная романтизму и пессимизму, а равно и наивному прогрессизму методология вырвалась в лоне научно ориентированного мировоззрения. Очевидно, что наука XIX столетия сумела принципиально упрочить своё влияние в качестве ключевого элемента новоевропейского дискурса только потому, что, подобно физике

XVII столетия, отвоевавшей право толковать тайны материального мира, сумела наметить перспективные подходы к изучению и постижению тайн общественного бытия человека. Были предложены принципиально новые версии видения «естественного» исторического процесса, суть которого сводилась к детерминации общественного развития некими объективными факторами, например, экономическими («невидимая рука рынка», развитие технологического фундамента), либо прямому переносу на общественные системы аналогий из естественных наук, например, биологии, в чём более всего преуспели основоположники позитивистской социологии.

В рамках этого нового подхода нашлось место обеим тенденциям – и конструктивистским попыткам воплощения в действительности умозраительно сконструированных утопических моделей, и поискам «внешних», объективных факторов развития социокультурных систем. Ставилась комплексная задача не революционного уничтожения и постройки заново, а реформирования существующего общественного здания. Такой подход качественно усложнял задачу, так как требовал не столько утопического полёта революционной фантазии, сколько тщательного планомерного изучения актуально существующей социальной системы в её историческом, экономическом, политическом и всех других возможных измерениях. Причём ставился вопрос об универсальных принципах построения общества как такового, а не конкретных общественных форм. Это вывело проблему познания социальной реальности на передний план. Формируется собственно социологическая дисциплина.

В то же время, новый подход, диалектически снимавший противостояние двух предыдущих парадигм, не был лишён и соответствующих «родовых пятен». Во-первых, несмотря на стремление к объективному обоснованию своих моделей, новая обществоведческая мысль была подвержена идеологической «субъективации», причина которой крылась как в недостаточности наличных знаний, так и в непосредственной ангажированности – в том числе политической – самих авторов. Во-вторых, будучи порождением актуального физикалистски ориентированного дискурса, новая социология воспроизводила – и порой в крайних формах – свойственные научной мысли своего времени редукционизм и элементаризм. Именно эти факторы в определённой степени нивелировали потенциал новых идей, авторы которых были вынуждены интерпретировать их в актуальном смысловом пространстве.

Как следствие, доминировавшие теоретические представления о сущности общественной реальности в том виде, в котором они сложились во второй половине XIX столетия, отличались редукционизмом, фрагментарностью, идеологической зашоренностью. Тем значимее был тот прорыв, который совершили на рубеже веков теоретики, по сути, впервые приступившие к созданию представления общества как *социокультурной системы*. Разработанные Гегелем и перенесённые из идеалистического философского умозрения в научный дискурс Марксом методологические подходы к пониманию принципиальной связности и взаимной дополнительности различных сторон общественного бытия позволили по-новому раскрыть прежде тупиковую проблему соотношения объективных и субъективных факторов общественного развития, конструктивистского и провиденциалистского понимания сущности исторического процесса.

Дальнейшее теоретическое осмысление социокультурной проблематики, так или иначе, опиралось на этот методологический фундамент, который имплицитно подразумевается в идеях основоположников социологии как научной дисциплины (Г. Зиммель, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето), вскрывших глубинные системные связи между теми отдельными факторами социальной системы и общественной динамики, которые были генерализированы предшественниками (Спенсер, Маркс, неокантианцы). Наконец была выявлена и в определённой степени

об'єктивно виражена системна зв'язність і принципіальна релятивність соціальної реальності во внезапно открывшемся многообразии её проявлений, компонентів, рівней, відношень, способів презентації і самопрезентації, котра імплицитно підразумевалась ещё со времён античної мислі, но не находила соответствующих форм фіксації і вираження.

На этом теоретическом фундаменте началось формирование *социокультурной антропологии* в широком смысле, на концептуальной матрице которой стал возможен процесс интеграции всего сложного комплекса знаний о человеке, культуре, обществе и разнообразных способов их познания, выработанных в философии, культурологии, философской антропологии, истории, психологии, социологии, антропологии в узком смысле, разрабатываемых на новых методологических основаниях. В рамках этой новой исследовательской парадигмы, построенной на понимании принципіальної системності соціокультурної реальності і діалектичного характеру процесів соціокультурного розвитку, вперше в історії виникає можливість вироботки цілостного представлення о сутності і динаміці соціальної реальності, освоєнні і системній організації всего комплекса явлений, относимых к соціокультурним.

Претерпели значительные изменения и были качественно дополнены представления о человеке и возможных подходах к пониманию его сущности. На смену классическим редукционистским подходам пришёл системный подход, основанный на своеобразном социогуманитарном «принципе дополнительности», который с очевидностью демонстрирует несводимость проблемы человека ни к одной из ранее известных её трактовок, а человек должен рассматриваться как биосоциокультурное существо в единстве всех своих проявлений. Этот подход подразумевает, что сколь либо серьёзное рассмотрение проблемы человека теперь невозможно без учёта принципіальної соціальності людського буття.

Социокультурная антропология, однако, несмотря на мощный методологический и очевидный мировоззренческий потенциал, не смогла стать центром сборки нового целостного научно-философского комплекса знаний о человеке и формах его коллективного бытия. Причины этого можно обнаружить и в общем упадке социогуманитарной проблематики в результате комплексной катастрофы первой половины XX столетия, и в последствиях научно-технической революции середины и второй половины XX столетия. Окончательно оформившаяся в трагических провалах и грандиозных прорывах XX столетия техногенная цивилизация сформировала специфический «Дух времени» со своей актуальной повесткой, ориентированной на технически понимаемую целесообразность и формальную эффективность. Новые масштабные – в силу задействованных ресурсов и размаха изменений – проблемы овладели дискурсом, вытесняя из фокуса внимания концептуальную проблематику. Концептуальные проблемы человеческого бытия в послевоенный период стали казаться надуманными, слишком абстрактными и были оттеснены на второй план успехами научно-технического развития, стремительным экономическим ростом и следовавшим за ним материальным благополучием широких масс, освоением открывавшихся новых пространств индивидуальной свободы – и прежде всего свободы потребления, к каковой, в целом, на многие годы и был сведен горизонт понимания социогуманитарной проблематики не только в повседневности, но и в теоретических рефлексиях. Ситуация ещё более усугубилась формированием и интенсивным продвижением постмодернистской идеологии с её характерным настроенным отношением к любым генерализациям.

Эти тенденции не позволили накалу экзистенциальных и теоретических поисков первой половины XX столетия превратиться в настоящий социальный заказ на всестороннее гуманистически ориентированное развёртывание целостного знания о социокультурной природе человека. Общество в очередной раз не сумело реализовать

трагический коллективный опыт в конкретных проектах, утилизировав его в культуре массового потребления. Этот опыт оказался непомерен ни для широких масс, ни для нового поколения интеллектуалов, порождённых социокультурным безвременьем, метко названным Бодрийяром «оргией». Достижения психологии, антропологии, социологии были инструментализированы в корпоративных интересах и превращены в технические средства стремительной экспансии глобального рынка, интенсивно поглощавшего эмансипированные пространства коллективного и индивидуального бытия, которые оказались лишены традиционных охранителей.

Напряжение гуманитарной мысли, столь характерное для периода между Мировыми войнами, сменилось уже к 60-м годам мещанским самодовольством послевоенного поколения, воспитанного теми, кто пережили ужасы и бедствия войны и, очевидно, были ориентированы на гарантии материального благополучия своих детей. Открытый бунт конца 1960-х годов с очевидностью продемонстрировал общую деградацию западной социокультурной системы, а отсутствие каких бы то ни было действенных мероприятий по восстановлению структурной связности общественного пространства говорит о трудностях в выработке действительного понимания масштаба и сути проблемы¹. Целостные модели социокультурной реальности, выработанные как на основе традиционных укладов, так и религиозных или философских учений, оказались вытеснены из широкого хождения всевозможными вульгарными новоделами, утрирующими понимание социогуманитарной реальности до тривиальных манипулятивных моделей и описывающими человека в примитивных, а зачастую и откровенно псевдонаучных, идеологически детерминированных схемах. Конструктивистская целесообразность стала доминировать в социокультурной политике.

Общество оказалось лишено значимой интеллектуальной рефлексии собственного существования². При этом действительное осознание данного факта так же вряд ли можно считать актуально присутствующим в общественном сознании даже наиболее развитых обществ, что подтверждается их наличной социокультурной динамикой. Имеют место непосредственные реакции в виде купирования текущих проблем, но ни о каком опережающем планировании, предотвращении или хотя бы прогностическом анализе речи практически нет. Такой запаздывающий режим управления социальными процессами является – кроме всего прочего – непосредственным следствием преобладания инжинирингового подхода не только в прикладной деятельности частных акторов, но и в принципиальных решениях ключевых социальных институтов, отвечающих за воспроизводство социальной структуры и культурного пространства. Внесение изменений в существующие общественные структуры носит утилитарно-прикладной характер, не опирается на проработанные концептуальные схемы целеполагания, основанного на необходимом уровне понимания сущности затрагиваемых структур. В целом это может быть представлено как регресс к просветительской мировоззренческой позиции – при том важном отличии, что для просветителей определённая наивность их взглядов была естественной в силу объективной ограниченности наличных знаний и

¹ Это – по крайней мере, отчасти – можно объяснить тем, что значимые позиции в социальной структуре последнюю четверть века занимают именно представители поколения «бунтарей» 60-х.

² Нужно отметить, что у данного положения вещей существуют и явные бенефициары, как порождаемые непосредственно самой структурой капиталистического общества и заинтересованные в насаждении и последующей эксплуатации некомпетентности, неразвитости личности и деградации системной связности общества, так и производные группы, вторично эксплуатирующие отчуждённость бытия человека в разобщённом социокультурном пространстве. Любые попытки структурного оформления действительных научно обоснованных моделей актуальной социогуманитарной действительности будут встречать сопротивление влиятельных групп интересов.

методологических подходов, а сегодняшнее сужение концептуального поля является скорее следствием субъективного выбора исследователей и их заказчиков.

Попытки критического анализа актуальной проблематики сталкиваются с отсутствием значимой универсальной системы представлений о принципах построения социокультурной реальности, которые бы могли служить тем общим смысловым планом (А. Шюц), без которого становится невозможной никакая плодотворная коллективная – в том числе и интеллектуальная – деятельность, так как отсутствует сама возможность конечной апелляции в дискуссии. Без такого общего концептуального плана социальные акторы атомизируются, их действия становятся индифферентными общественному целому, а возможность этих действий на всех уровнях социальной организации определяется только наличными технико-технологическими и формально-юридическими ресурсами.

Нивелирование общезначимых концептуальных моделей общественной реальности обусловило откат социогуманитарного знания к конструктивистским парадигмальным установкам в наиболее редуцированном их варианте. В настоящее время инжиниринг касается уже не конструирования утопических моделей одного из вариантов идеального общества³, а конъюнктурного поиска любых формально допустимых способов обхода наличных препятствий для реализации частногрупповых интересов при абсолютном игнорировании интересов социальной системы как целого⁴. И глубинная проблема современного социогуманитарного знания как раз и заключается в том, что даже при наличии желания учёт интересов социальной системы попросту невозможен, так как эти интересы значимо невыразимы в качественно узких рамках актуального общественного дискурса, задаваемых, прежде всего, именно актуальным содержанием обществоведческих наук. Соответствующие категории оказались вытеснены из пространства объективированного научного знания вновь в область философской спекуляции, освободив место для идеологического социального инжиниринга, где идеология лишь прикрывает корыстную активность влиятельных частных групп.

На сегодняшний день не существует адекватной уровню сложности актуальной общественной структуры и используемых технико-технологических инструментов, а равно и доступной для восприятия и понимания широкими массами *значимой* мировоззренческой и даже научной теоретической базы, на основе которой можно было бы построить содержательную картину наличной социогуманитарной ситуации с последующей выработкой её оценок и выхода на содержательное прогнозирование. Решение проблемы на теоретическом уровне, как представляется, должно начинаться, прежде всего, с преодоления порождённого конструктивистским подходом и интенсивным ростом инструментальных возможностей инжинирингового отношения к социальной реальности, исходящего из принципа сиюминутной выгоды и принципиальной возможности действия, а вопрос об отложенных последствиях или сопутствующих издержках рассматривается исключительно в ключе даже не минимизации, а сокрытия, формируя общество тотально непокрываемых социокультурных издержек. Нацеленность на максимально широкий синтез и планомерную разработку всего пространства наличных теоретических и эмпирических

³ Утопическое умозрение, по крайней мере, подразумевало проработанную и в определённой степени завершённую концепцию, что допускало её концептуальную же критику. Хорошим примером здесь может служить марксизм, сами пролегомены которого, будучи концептуально оформлены, – буквально по Попперу – развёртывают собственное содержание для всесторонней критики. Современные «неолиберализм» или «свободный рынок», очевидно не обладают такой концептуальной проработанностью и потому оказываются закрытыми для конструктивной критики и безусловно являются идеологиями.

⁴ О возможности такого частнокорпоративного поглощения социального пространства в своё время говорил Дюркгейм.

знаний о социогуманитарной реальности, характерная для времени формирования социокультурной антропологии, может стать надёжным методологическим фундаментом для возврата к планомерному выстраиванию целостной картины социальной действительности.